

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

История Европы первой половины XVI века представляет собой череду громких политических и религиозных пертурбаций. Погрязшая во лжи и разврате католическая церковь с центром в Риме вдруг обнаружила, что ей бросил вызов нарождающийся протестантизм, выросший из бунта и открытого неповиновения Мартина Лютера в 1517 году и быстро распространяющийся по Германии и Северной Европе.

Италия по-прежнему оставалась хрупким союзом городов-государств, уязвимым для внутренних распри и иноземного вторжения. Причем особенная опасность исходила со стороны Франции и Испании, ведь последней правил император Священной Римской империи Карл V.

Самыми могущественными городами Италии по праву считались Рим и Венеция. Флоренция медленно погружалась в пучину упадка, и постепенно искусство и культура Высокого Возрождения переместились в Рим, чему в немалой степени способствовали верховные понтифики. Тем временем Венеция, расположенная на берегу Адриатического моря, все еще находилась на вершине славы и успеха. Республика, управляемая большой группой знатных семейств, отличалась замечательной политической стабильностью и пестрым национальным составом; она имела полный контроль над западной частью Средиземноморья и восхитительно богатую

экономику, в основе которой лежали внешняя торговля и коммерческие перевозки. Венеция, словно магнит, влекла к себе купцов, путешественников и авантюристов.

История, которую вы готовитесь прочесть, началась в Риме в 1527 году.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

РИМ, 1527 ГОД

Моя госпожа, синьорина Фьяметта Бьянчини, выщипывала брови и легонько покусывала губы, дабы придать им сочный коралловый оттенок, когда случилось невозможное: армия императора Священной Римской империи обрушила часть стены «вечного города» и в пролом хлынули орды полуголодных и полупомешанных вояк, жаждущих крови и грабежей.

В те дни Италия служила шахматной доской для амбиций правителей доброй половины Европы. Угроза войны возникала с тем же постоянством, что и урожай; союзы, заключенные зимой, разваливались уже к весне; в некоторых местах женщины чуть ли не каждый год рожали детей от разных отцов, вторгшихся к ним из-за границы. В великом и славном городе Риме, пребывая под защитой Господа нашего, мы размякли и стали слабыми, но такими уж были те беспокойные времена, что даже святейшие из отцов заключали нечестивые альянсы, а папа, в жилах которого текла кровь Медичи, был куда более склонен к политике, нежели к молитвам.

Даже в самые последние дни перед катастрофой Рим никак не мог поверить, что его гибель близка. Слухи, подобно дурным запахам, расползались по улицам. Каменщики, латавшие городские стены, рассказывали о могучей армии испанцев, первобытная жестокость которых

во всей красе проявилась в их войнах с дикарями в Новом Свете; а к тому же они пополнили свои ряды когортами германских лютеран, вкусивших крови и страданий монахинь, которых они изнасиловали во время марша на юг. Но когда городское ополчение, возглавляемое кондотьером Ренцо де Чери, прошагало по городу, созывая добровольцев для обороны баррикад, те же самые кровожадные гиганты тотчас же превратились в едва живых существ, ползающих на коленях и непристойно освобождающих желудки от непереваренной пищи и кислого вина, проглоченных ими на пути сюда. По его словам, враг был настолько жалок, что даже если у солдат достанет сил поднять ружья, то у них точно не окажется пушек, дабы помочь им, и, собрав достаточное количество доблестных римлян на стенах, мы запросто утопим неприятеля в своих испражнениях и насмешках, когда они попытаются вскарабкаться наверх. Радости войны на словах всегда оказываются краше, чем на деле; тем не менее перспектива выиграть битву мочой и бравадой выглядела достаточно соблазнительной, чтобы привлечь тех немногих искателей приключений, которым было нечего терять, включая подручного нашего конюха, совсем мальчишку, который и покинул нас на следующий же день.

Двумя днями позже армия подступила к самым воротам, и синьорина отправила меня за ним, дабы привести его обратно.

Вечером на улицах нашего пользующегося дурной славной и обычно громогласного города стало особенно заметно, что он, подобно моллюску, захлопнул створки своей раковины. Богачи уже обзавелись собственными армиями, предоставив остальным трястись от страха за запертыми дверями и дурно заколоченными окнами.

И пусть ноги у меня кривоватые и я не хожу, а семеню, зато умею прекрасно ориентироваться, подобно почтовому голубю; запутанные улочки и переулки Рима давно отпечатались у меня в памяти, словно карта. Однажды у моей госпожи случился клиент, капитан торгового флота, который принял мое уродство за знак особой милости Божьей и пообещал мне целое состояние, если я сумею провести его судно через море напрямик в Индию. Но меня с раннего детства неотвязно преследовал кошмар — огромная птица подхватывает меня когтями и швыряет в бескрайний океан, и поэтому, да и по некоторым иным причинам, вода всегда страшила меня.

Когда впереди показались городские стены, я не увидел на них ни наблюдателей, ни дозорных. До сих пор мы не испытывали в них нужды, и наши полуразрушенные укрепления служили отрадой для глаз скорее любителей древностей, нежели военачальников. Я с трудом вскарабкался наверх у одной из боковых башен, так что бедра заняли после подъема по высоким каменным ступеням, и остановился, переводя дыхание. Чуть поодаль, в каменном коридоре парапета с бойницами, у стены скорчились две какие-то фигуры. И тут у себя над головой и над ними я вдруг слышал негромкое стенание, похожее на приглушенный шум голосов в церкви на молебствии. Любопытство пересилило страх, и я, привстав на цыпочки и перегнувшись через выщербленную и неровную каменную кладку, выглянул наружу.

Внизу подо мной, насколько хватало глаз, раскинулось огромное покрывало тьмы, пронизанное трепещущими огоньками сотен свечей. Негромкий гул голосов катился в ночи, подобно легкому ветерку, — то ли армия преклонила колени в единой молитве, то ли готовилась отойти ко сну. Пожалуй, вплоть до этого момента даже

я был готов поверить в миф о нашей неуязвимости. Но только сейчас я понял, какие чувства испытывали жители Трои, глядя со своих стен на греков, вставших лагерем вокруг их города, когда лунный свет, отражавшийся от блестящих щитов, сулил им обещание мести и скорой гибели. Живот у меня скрутило ледяной судорогой страха, я спрыгнул обратно на каменный пол галереи и в ярости принялся пинать спящих дозорных, желая разбудить их. Вблизи капюшоны их накидок превратились в клобуки, и моему взору предстали двое молоденьких монахов, едва принявших постриг, с посеревшими и осунувшимися лицами. Выпрямившись во весь рост, я подступил вплотную к первому из них. Он разлепил глаза и заорал, решив с перепугу, будто враг отправил за ним из ада уродливого ухмыляющегося демона. Пронзительный вопль разбудил его товарища. Приложив пальцы к губам, я вновь заулыбался во весь рот. На сей раз заорали оба. Я всегда получал невыразимое удовольствие, когда мне удавалось переполошить церковников, но сейчас мне вдруг захотелось, чтобы им достало мужества противостоять мне. Голодный лютеранин насадил бы обоим на кончик своего штыка, прежде чем они успели бы прошептать благословение. Оба истово перекрестились и, когда я стал расспрашивать их, яростными взмахами рук отправили меня в сторону ворот Сан-Спирито, где, по их словам, оборона выглядела не в пример мощнее. Единственным военным искусством, которым я владел во всем блеске, было умение набивать собственное брюхо, но даже я знал, что именно у Сан-Спирито город наиболее уязвим. Виноградники кардинала Армеллини подступали там вплотную к городским укреплениям, а жилой дом крестьянина так и вовсе примыкал к стене с бойницами.

Наша армия, когда мне наконец удалось ее обнаружить, сгрудилась вокруг этого самого дома. Парочка так называемых дозорных попыталась было остановить меня, но я заявил им, что пришел вступить в их ряды, дабы принять участие в сражении, и они принялись хохотать так самозабвенно, что пропустили меня, причем один из них решил отвесить мне пинка, правда, безуспешно. В самом лагере половина мужчин была буквально парализована ужасом, а другая попросту упиалась до бесчувствия. Помощника нашего конюха я так и не нашел, зато увиденное убедило меня в том, что случись здесь один-единственный прорыв, и Рим сдастся на милость победителя с такой же легкостью, с какой жена раздвигает ноги перед симпатичным соседом.

Вернувшись домой, я застал свою госпожу бодрствующей в ее спальне, после чего поведал ей обо всем, что видел. По своему обыкновению, она выслушала меня очень внимательно. Мы немного поговорили, а когда вокруг нас сомкнулась ночь, погрузились в молчание, уносясь мыслями из настоящего, наполненного теплом благосостояния и безопасности, в мрачное будущее, все ужасы которого мы едва ли могли представить.

Когда при первых лучах рассвета начался штурм, мы уже трудились не покладая рук. Я разбудил слуг еще до восхода солнца, и госпожа велела им накрыть большой стол в Золотой комнате, приказав повару забить самых откормленных свиней и начать подготовку к такому пиршеству, какое мы обычно закатывали для кардиналов или банкиров. Невзирая на протестующий ропот, авторитет ее был таков — или, возможно, сказалось их отчаяние, — что любой план сулил утешение и внушал спокойствие, пусть он даже и выглядел совершенно бессмысленным.

К тому времени особняк уже лишился наиболее нарочитых и демонстративных символов своего богатства: огромные вазы из агата, серебряная столовая утварь, блюда из майолики, позолоченные хрустальные бокалы муранского стекла, равно как и лучшее постельное и столовое белье были припрятаны три или четыре дня назад: их завернули сперва в вышитые атласные драпировки, затем — в тяжелые фламандские гобелены, и уложили в два сундука. Меньший из них был так искусно украшен позолотой и инкрустациями, что его вновь пришлось завернуть в мешковину, дабы уберечь от сырости. Понадобились объединенные усилия повара, мальчишки-конюха и обоих близнецов, чтобы выволочь сундуки во двор, где под каменными плитами близ отхожего места для слуг была выкопана яма. Когда же они были погребены в земле и покрыты свежим слоем фекалий (страх — прекрасное слабительное), мы выпустили пять свиней, купленных несколькими днями ранее по непомерно взлетевшей цене, и они принялись рыться в земле и валяться в грязи, похрюкивая от восторга, как умеют только свињи.

Теперь, когда все следы ценных вещей исчезли, госпожа взяла свое роскошное ожерелье — то самое, которое надевала на прием в особняке Строщи, там, где комнаты освещались свечами, воткнутыми меж ребер скелетов, а вино, как уверяли впоследствии многие, было таким же сочным и густым, как кровь, — и раздала каждому слуге по две крупных жемчужины. Оставшиеся, заявила она им, будут разделены между ними, если сундуки останутся нетронутыми после того, как минует худшее. Верность — это качество, которое стоит дорого, когда наступают кровавые времена, и в качестве госпожи и хозяйки Фьяметту Бьянчини

любили ничуть не меньше, чем боялись; таким вот способом она ловко настроила своих людей как против себя самой, так и друг против друга. Что же до того, где она спрятала остальные свои драгоценности, то этого она не открыла никому.

После всего этого мы остались в скромном небогатом домике с недорогим орнаментом, двумя лютьями, статуэткой Мадонны в спальне и деревянной панелью с чувственными нимфами в приемной, то есть украшениями, вполне соответствующими ее сомнительному роду занятий, но без малейшего намека на излишества, которыми грешили многие палаццо наших соседей. В общем, спустя несколько часов, когда огромный город пробудился под звон церковных колоколов, которые, такое впечатление, старались перекричать друг друга, сообщая нам о том, что наша оборона рухнула, единственным запахом, исходившим из нашего дома, стал аромат поросенка, медленно жарящегося в собственном соку.

Те, кто выжил, чтобы поведать о случившемся, с благоговейным ужасом рассказывали о первом проломе в стенах; о том, как сражение становилось все яростнее по мере того, как день вступал в свои права, а с болот, раскинувшихся позади позиций неприятельской армии, стал напоздать туман, густой и мрачный, словно мясной бульон. Он поглотил сосредотачивающиеся для штурма войска, так что наши защитники не могли даже толком прицелиться, пока, подобно армии призраков, враги с ревом не вынырнули из тумана и не атаковали нас. После этого то мужество, что еще у нас оставалось, не могло устоять против их численного превосходства. Дабы подсластить горькую пилюлю, мы все-таки урвали у них недурную добычу, когда выстрел из аркебузы

проделал дыру размером с дароносицу в груди их предводителя, великого Карла де Бурбона. Впоследствии золотых дел мастер Бенвенуто Челлини налево и направо похвалялся своей меткостью. Впрочем, он недаром пользовался репутацией прожженного лжеца. Его послушать, — а он никогда не отказывал себе в удовольствии выставить напоказ собственные достоинства, причем как в особняках знати, так и в тавернах трущоб, — так он чуть ли не в одиночку оборонял город. Следовательно, и винить следует его одного, поскольку в отсутствие вождя некому было остановить кровавое безумие неприятеля. Сквозь тот самый первый пролом в стене они хлынули в город и растеклись по нему, как тараканы. Если бы мосты через Тибр были разрушены, как советовал командующий обороной де Чери, мы могли бы запретить их в Трастевере и удерживать там достаточно долго, чтобы перегруппироваться в некое подобие оборонительных порядков. Но Рим предпочел негу и комфорт здравому смыслу, и с падением Понте-Систо (каковое случилось очень быстро) уже ничто не могло остановить армию вторжения.

Итак, на шестой день мая месяца в 1527 году от рождения Господа нашего началось второе разграбление Рима.

То, что нельзя было унести или обратить в звонкую монету, безжалостно истреблялось и разрушалось. Принято считать, что в этом деле в худшем смысле отличились лютеранские ландскнехты. И пусть император Священной Римской империи поклялся везде и всюду защищать имя Господне, он отнюдь не брезговал тем, чтобы привлекать на свою сторону мечи еретиков, дабы вселить ужас в сердца своих врагов. Для них Рим был лакомым кусочком, обиталищем самого Антихриста,

и в качестве наемников, которым император очень вовремя позабыл выплатить жалованье, они жаждали как набить свои карманы, так и восславить свои души. Каждая церковь представлялась им выгребной ямой коррупции, каждый монастырь — вместилищем шлюх во Христе, каждый лишившийся родителей ребенок был насажен на штык (дети были слишком мелкими целями, чтобы тратить на них пулю) и являл собой душу, спасенную от ереси. Разумеется, все это могло оказаться правдой, но я собственными ушами слышал, как пронзительные крики жертв заглушали еще и испанские, а не только немецкие ругательства и богохульства, и готов биться об заклад, что когда повозки, запряженные мулами, выехали наконец за ворота Рима, нагруженные золотой утварью и гобеленами, то в сторону Испании их направилось ничуть не меньше, чем в Германию.

Если бы они двигались чуточку быстрее, а награбили бы во время своего первого нападения чуточку меньше, то вполне могли бы захватить самый ценный приз: самого понтифика. Но к тому времени, как враги добрались до Ватикана, папа Климент VII, задрав подол своего облачения (и обнаружив, вне всякого сомнения, в своем жирном подбрюшье клещами вцепившуюся в него свору кардиналов), прихватив заодно и дюжину мешков, поспешно набитых драгоценностями и святыми реликвиями, устремился, сверкая пятками, так, словно за ним гнался сам дьявол, в замок Святого Ангела. Там немедленно был поднят мост, когда преследователи уже показались вдали; дюжина священников и придворных в отчаянии уцепилась за его цепи, и их пришлось стряхивать, после чего все они благополучно утонули в крепостном рву.

Обнаружив, что смерть дышит им в затылок, многие ударились в панику, опасаясь за свои души. Некоторые

клирики, видя, что наступает их последний, судный час, бесплатно отпускали грехи и читали покаянные проповеди, но были и другие, сколотившие небольшие состояния на том, что даровали всепрощение по заоблачным ценам. Не исключено, что сам Господь наблюдал за их работой: уж во всяком случае, когда лютеране находили их, забившихся, словно крысы, в самые темные углы своих церквей, беспомощно кутающихся в мантии, то гнев, обрушившийся на них, выглядел праведным и благородным, и им вспарывали животы, избавляя их сперва от сокровищ, а потом и от кишок.

Тем временем мы в своем доме под звуки все нарастающей бойни, доносившиеся издалека, поспешно полировали вилки и оставшиеся лучшие бокалы. В своей спальне моя госпожа, которая всегда с неизменной тщательностью относилась к поддержанию собственной красоты, навела последние штрихи на свой туалет и сошла вниз. Из ее окна время от времени можно было увидеть на улицах редкие фигурки спешащих людей, поминутно оглядывающихся, словно в опасении, что некая невидимая волна вот-вот накроет их с головой. Минуло совсем немного времени, и мы уже стали различать отдельные крики боли. Настал час личным примером воодушевить наши силы обороны.

Я как раз собрал слуг в столовой, когда она вошла туда. О том, как она выглядела, я расскажу немного погодя: все они были не понаслышке знакомы с величием ее внешности, но сейчас их куда больше волновала возможность спасти свою шкуру, нежели благоговейный трепет, который она внушала одним своим видом. Ей хватило одного взгляда, чтобы оценить происходящее. Слева от нее скорчилась Адриана, ее горничная, так крепко обхватив себя руками за плечи, что ей наверняка было трудно дышать. В дверях застыл Бальдасар, повар, лицо и плечи которо-

го лоснились от жира с вертела, а на дальнем конце только что накрытого стола застыли двое худеньких слуг-близнецов, сжимая в правой руке по хрустальному кубку, и различить их можно было только по тому, что один дрожал сильнее другого.

— Если тебе трудно держать кубок как полагается, лучше поставь его на стол, Заккано, — негромко прозвучал сильный голос госпожи. — Наши гости не обрадуются, увидев, что повсюду рассыпаны осколки стекла.

Заккано всхлипнул, когда пальцы его, сжимающие ножку кубка, разжались и тот выпал в подставленную левую ладонь Джакомо, который, похоже, как всегда, раньше своего брата знал, что тот собирается сделать.

— Bravo, Джакомо. Значит, вино будешь подавать ты.

— Госпожа...

— Бальдасар? — позвала она, даже не повернув головы.

— В подвале есть три ружья. А на кухне — полный ящик ножей. — Он вытер ладони о штаны. — Если мы возьмем каждый по одному...

— Если каждый возьмет себе по одному, объясни мне, как ты будешь разрезать поросенка? — Вот теперь она обернулась и в упор взглянула на него.

Но он выдержал ее взгляд.

— Прошу прощения, госпожа, но это чистое безумие. Разве вы не слышите, что там творится? Мы сами уже превратились в свиней на заклятие. Они просто нанизывают нас на вертела, словно куски мяса.

— Что ж, пожалуй, так оно и есть. Но, несмотря на возмутительное отсутствие манер, вряд ли даже у них достанет дерзости утолить голод, за жарив и съев нас после того, как они нас убьют.

При этих словах Адриана, находившаяся сбоку от нее, испустила долгий отчаянный вопль и повалилась на пол.